

Борис Верхоустинский

Корней и Домна

Борис Верхоустинский

Корней и Домна

«Public Domain»

1913

Верхоусти́нский Б. А.

Корней и Домна / Б. А. Верхоусти́нский — «Public Domain»,
1913

«...Верёвочный кнут щёлкает кобылу по брюху и, отскочив, волочится за дрожками. Тощая бородёнка Корнея вздрагивает на ухабах укатанной полозьями дороги, а соловые глаза неприязненно посматривают и на круглый зад лошади, и на сизо-белое поле, подёрнутое поволокой серого дня...»

Борис Верхоустинский

Корней и Домна

– Н-но, ты, старая!..

Верёвочный кнут щёлкает кобылу по брюху и, отскочив, волочится за дрожками.

Тошная бородёнка Корнея вздрагивает на ухабах укатанной полозьями дороги, а соловые глаза неприязненно посматривают и на круглый зад лошади, и на сизо-белое поле, подёрнутое поволокой серого дня.

По лесу тянется длинная вереница дровней, на них сидят мужики – в полушубках, с заткнутыми за пояс топорами. У Корнея тоже топор: прибыльное дело – рубить лес: свёз – и получи из конторы то целковый, то с полтиною, то два рубля.

– Корне-ей! – кричит сзади круглолицый парень с задорно выпяченной нижней губой. – Цы-гарки нету ли?

Корней снимает островерхую шапку; там за рваной подкладкой хранится кисет. Парень, хрустя снегом, неуклюже подбегает к дровням и на ходу вскакивает на них.

– Бери! – протягивает Корней развязанный кисет парню; тот поспешно скручивает из обрывка газетины собачью ножку, засыпает её махоркою, придавливает верхушку корявым пальцем и закуривает, блаженно улыбаясь. Русые волосы выбиваются из-под шапки бараньими кудряшками. Так как нижняя губа выпячивается, то кажется, будто он смеётся, хотя он и не думает смеяться. Это – племянш Корнея, Никитка Громов.

Никитка глубоко затягивается, глядя по сторонам на снежные поля, а Корней шевелит вожжами, словно от этого кобыла пойдёт ходчей. Лицо Корнея узкое и угрюмое, и есть привычка морщиться; тогда на лбу собираются, как на гармонике, складки, взор же устремляется вверх – на небеса.

– Спасибо тебе!

Никитка, соскочив, возвращается на свои дровни.

– Н-но, ты, пузатая!

Верёвочный кнут щёлкает кобылу по брюху, она чуточку прибавляет рыси, а затем снова сбивается на привычный бег.

Древорубы въезжают в лес; дорога вьётся светло-жёлтой лентой среди свежих пней. Вырубка смотрит тихим кладбищем, и даже пахнет тут уже не по-лесному, а как-то иначе... Думается Корнею – идёт толпа мужиков, в шапках, в бараньих полушубках, – и вдруг – хватъ!.. Махнула великая коса – и нет мужиков, остались одни ноги в серых валенках. То и вырубка.

Обок вырубки, насупившись, стоят ждущие своего конца деревья. На них снег, как белые шапки, из-под которых сурово выглядывают тёмные стволы.

Скрипит снег под ногами суетящихся мужиков, звенят пилы, и хлопочет приказчик. Он с тёмным, обветренным лицом, в высоких – по бедро – валенках, в кожаной, подбитой волчьим мехом, куртке.

– Шевелись, ребята, нечего околачиваться! – кричит он; от крика кончик горбатого носа вздрагивает.

К Корнею подходит Никитка.

– Ты без пилы?

– Нету.

– Давай вместях возить.

– Ладно.

В руках Никитки перегибается пила.

Лес оглашается визгом: «Ти-ше! ти-ше! ти-ше!». Но никто не слушается его предсмертных стонов, пилы всё глубже и глубже вонзаются в холодные стволы.

Пильщики выстроились в один ряд, как солдаты. Все невольно приспособляются друг к другу, десятки пил шипят в один такт: «Ти-ше! ти-ше!».

Корней следит за брызжущей из-под пилы древесиной.

– И куды его им? – спрашивает он Никитку, выязывая пилу, когда стол распилен более чем наполовину.

– О чём баешь?

– Куды им? – раздражённо повторяет Корней: – лес, то исть.

– На фабрику, а не то за море. Поделают чертовщинок, да и продадут. «Куда?» – всяко, брат, бывает. Осину помнишь? В брёвна пилили – аршина в два, кабы для дров, то велики, я и поспрошал, а оно и вышло – то не на дрова, а на ведомости.

Корней недоумевающе хмурится:

– На ведомости, говоришь?

– Так. Теи осины для бумаги способны горазд, варят их в котлах, будто говядину в щах, а опосля бумагу работают. Мне бы не додуматься. Руби, брат!

Корней ударяет дерево топором.

– Сторонись! – кричит приказчик, убегая в тыл, дроворубам, чтобы не придавило падающими деревьями.

Взмахнув косматыми лапами, треща и стряхивая вниз свои белые шапки, рушатся деревья и с грохотом ударяются наземь. Мужики принимаются обрубать сучья; опять тюкают топоры, добывая сражённых богатырей. Стволы быстро оголяются, свежие обрубцы – словно кровоточащие раны. Беспомощно и слепо лежат обезображенные деревья на закиданном щепами снегу. Дроворубы распиливают их на брёвна. «Ти-ше! ти-ше!» – жалобно поют пилы.

Затем облюбовывается новая жертва; острые стальные зубы с визгом вонзаются в ещё не умершее тело, и опять гремит топор, разбрасывая щепы, и опять глухо ударяется о кормилицу-землю спиленная сосна. Б-бух!

– Подь за коньми! – распоряжается Корней.

Никитка улыбается своей обманчивой улыбкой и, увязая в снегу, бредёт к оставленным дровням. Сперва он приводит своего чалого меринка, и они нагружают брёвна на его дровни, изредка перекидываясь короткими, относящимися к делу, словами. После того Никитка приводит Корнееву кобылу... И вот они уже въезжают из лесу на раскатанную дорогу; длинная вереница хмурых, низкорослых лошадей тоскливо тянется по сизо-белому полю в деревне.

Наскучив сидеть на брёвнах, Корней идёт рядом с кобылой; она искоса поглядывает на него покорными глазами. Около широких ноздрей на мышино-серой бархатистой морде осел лёгкий пар от дыхания. Корней снимает с правой руки рукавицу и для чего-то стирает его с лошадиной морды. Его пальцы гладят тёплую, мягкую кожу – и это ему приятно. Стерев с морды пар, он засовывает руку обратно в варежку, понукая кобылу:

– Н-но, ты, родимая!

Кобыла медленно, но упорно тащит дровни, искоса глядя на хозяина.

* * *

Посреди деревни, у колодца, стоит Корнеева баба, Домна. Роста гренадёрского, в плечах широкая, телом дородная, а ежели кого треснет кулаком по спине, то тому вряд поздоровится.

– Да ты, бабонька, супротивница мне, что ли, будешь? Да я тебя трогаю? Бесстыжая твоя харя после этого, людей только оговариваешь!..

И начинает так честить собеседницу, что хоть уши глиной замазывай.

– Ой, Домна, а и лютый же у тебя язык, слушать тошно!

Баба, нацепив на коромысло ведро, спешит убраться подобру-поздорову; вдогонку ей, как камни, летят побранки.

Уж кто-кто, а Домна не даст наступить себе на ногу; живо подбоченится – и пошла писать. Её все бабы в деревне побаиваются.

Отругавшись, сколько следует, Домна уходит. Надо поспешать по хозяйству. Она несёт тяжёлые вёдра, будто и не замечая их, только босые почернелые ноги крепче вдавливаются в снег.

Тёмно-серая, чуть накренившаяся изба смотрит на улицу со скукой.

Домна быстро входит в сени, открывает дверь, сливает воду в стоящую в углу избы кадку и вешает коромысло на гвоздь. Работа закипает в красных руках Домны. Стучит ухват, поддевая в печи толстобокий горшок; гремят перемываемые в горячей воде кринки из-под молока; шуршит веник, вынося сор из избы; режут ребяташки, получив по хорошему шлепаку. Их двое у Домны – сероглазые, сопливые и такие же хлопотуны, как матка: то надобно Васютке залезть под печку в поисках домового и всполошить зимующих там кур; то Сенька притащит тяткину пилу и начнёт пыхтеть, отпиливая ножку стола, потому что «высок горазд». За всем нужно углядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.